

Русско-польские войны в восприятии православных и униатских полемистов в Речи Посполитой первой половины XVII века

Abstract:

Nemensky O.B.

The subject of the article is the perception of the war in Orthodox and Greek Catholic polemical literature of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the end of 16th – first half of 17th century. A special attention was given to their interpretation of the past Russian-Polish relations and military conflicts. Because of difficult conditions in which the polemical activity was unfolded, the relation was complicated between the declared loyalty to the Polish authorities and the Russian identity.

Ключевые слова: русско-польские отношения, война, описание военных конфликтов, православно-униатская полемика, Речь Посполитая, гражданская война, польско-турецкие войны, воинственность, Константинопольский патриархат, казачество, межконфессиональный конфликт.

Не только сами войны, но и повествования о них обнажают и максимально обостряют противоречия, актуальность которых ещё не ушла в прошлое. Небеспристрастные описания военных конфликтов интересны в первую очередь тем, что ярче всего демонстрируют лояльность автора текста, его идентификацию с той или иной противоборствующей силой. Во многих случаях различение сторон на «свои» и «чужие» оказывается довольно простым и заранее ясным, однако нередко перипетии последующих исторических событий вынуждают к более сложному отношению, и выбор предпочтительной лояльности уже не столь однозначен. Если воюющие силы каждая по своему оказываются для автора «своими», то большее сочувствие одной из них раскрывает сущностные свойства структуры авторской идентичности, её приоритетные стороны, помогает преодолеть политкорректные умолчания.

Православные и униатские писатели, жившие в Речи Посполитой в первой половине XVII века, почти всегда демонстрировали абсолютную лояльность королевской власти и наличным государственным формам. Особенно это было важно для православных, которых католическая власть имела основания подозревать в неблагонадёжности. В то же время, считать все эти заверения в лояльности лишь вынужденной формой уступки политическим обстоятельствам вряд ли можно: законность власти польского короля действительно не подвергалась сомнению, а альтернативные идеи по восстановлению независимой государственности с православным монархом во

главе по крайней мере до середины века не владели умами православных интеллектуалов¹. Эта концепция сочетания повиновения польским светским властям с жестким противоборством насаждению униатства четко сформулирована Захарием Копыстенским в следующих словах: «Тобе, наянейшому кролеви пану нашему, як власти, от Бога нам данной, ведлуг апостола Павла, повинную честь отдаемо, и во всем, иле кролевству твоему над нами земному належит, естесмо верными поддаными и богомольцами. Але от костела Латинского Римского и от папезев его отдаляемося, веры его и посланных от него духовных его не приймаемо!»². И всё же, сама политика центральной власти ставила под сомнение факт примирения русского и польского народов под единой монаршей властью, а тема русско-польских войн активно заявлялась польскими же историками. Многочисленные описания былых походов польских королей на Русь и их успехов в её подчинении не давали забыть историю этих конфликтов, а усиление межконфессионально-противоборства делали их вновь актуальными.

Русско-польский конфликт в те годы представлял не столько как межэтнический, сколько как конфликт между православными и католиками, что побуждало видеть именно эту сторону и в войнах прошлых столетий. В одном униатском сочинении 1634 года описывается воображаемый диспут «двух русинов – схизматика и униата». Одна из глав специально посвящена разбору вопроса, «вела ли русь с поляками войны из-за религии или из-за грабежа?»³. Вначале приводится, очевидно, типичная с точки зрения автора точка зрения «Схизматика», согласно которой причиной этих войн всегда было стремление поляков навязать руси свою веру: «большие войны вели руснаки наши с ляхами, бесовыми сынами, из-за того, что они желали русь к своей религии папского послушания привлечь». Автору важно опровергнуть эту точку зрения, лишив историю этих войн конфессиональной окраски, и тем самым преодолев стереотип о вечном религиозном противостоянии двух народов. Собеседник-униат отвечает «Схизматику»: «Не из-за религии, говорю, поляки с русью боролись, а из-за грабежа, который русь в Польше осуществляла так, что после всех войн, которые были, не было никакой другой причины поднятия поляками войны против Руси, только из-за насильственных вторжений и грабежа русью Польши»⁴. «Схизматик» снова не соглашается, заявляя, что «эти войны были не из-за грабежа, а за то, чтобы отнять греческую религию у руси», и вспоминает уже устоявшийся сюжет православной историографии, что при подчинении Львова Кизимиром Великим главные условия, выдвинутые львовянами, касались именно сохранения за ними прав на свою веру. На что «Униат» отвечает рассуждениями, что речь шла не о схизме, а о восточном церковном обряде: «это слово – “вера” - не означает “fides”, а “religia” на латинском, а “religia” не значить

“fides”, но обрядность ... не “fides”, а “religia”, то есть старая церемониальная обрядность»⁵. При этом утверждается, что в то время вера (fides) у поляков и русских одна была, и не было ещё места схизме на Руси: «но ведь тогда вера и ляхов была такая же, как и русская, только в обрядах была разница»⁶. Здесь воспроизводится историческая концепция, представленная впервые в сочинении Льва Кревзы «Obrona iedności cerkiewney» (1617), согласно которой Русь за свою историю лишь изредка впадала в схизму, но в целом стремилась сохранить своё послушание Риму в обход Константинополя⁷. Так, униатский взгляд на прошлое русско-польских отношений лишил их содержания межконфессиональной борьбы, сводя всё к страсти до наживы (грабежам). Примечательно, что при этом виновной стороной, провоцировавшей войны, однозначно выставляется именно Русь.

Религиозный характер польско-русских конфликтов действительно подчёркивался православными писателями. Декларируемая ненависть поляков-католиков к православию наполняла это противостояние глубоким содержанием. К примеру, в сочинении «Indicium» (1638), построенном также в качестве диалога, на вопрос Попутчика о причинах того, что монастыри и церкви в Русской земле стоят в руинах, описывается троекратное разрушение Киева за его историю. Первое было учинено польским королём Болеславом Храбрым, второе Болеславом Смелым⁸, а третье уже татарами в союзе с крестоносцами⁹. Впрочем, причины болеславовых походов оказываются вполне мирскими («Болеслав охотно предпринял войну против Руси ... чтобы ... границы королевства Польского расширить»), однако подчёркивается само стремление польских завоевателей к разрушению православных святынь: «Что ж об опустошении и уничтожении церковей вспомним, если не такие, какие были от Болеслава Первого и Второго, польских королей, и от Батыея, татарского царя»¹⁰. В сказаниях о чудесных явлениях в православной церкви, написанных Петром Могилею, событийный фон нередко описывается фразой вроде «егда воинство льяцкое на козаки идяше», причём это уже рассказы и о недавних или даже современных автору событиях¹¹.

Для православных писателей русско-польские конфликты становились частью противостояния Восточной и Западной церковей и описывались в контексте общей враждебности «Римского костёла» по отношению к православию. Так, Захария Копыстенский в своей «Палинодии» (нач. 1620-х годов) сравнивает господство «поган» турок и католиков: если под турками греческая Церковь «свободу мает духовную, мает ряд целый церковный на всех чотырох патриархальных столицах», то «под Латинниками, ркомо под Христианы и братиею, негды мети не могл. Опановали были Латинникове Иерусалим и Антиохию, а потом и Константинополь, а так ся неласкаве до тамошних христиан ставили, же зараз зо всех тих столиц благочестивых

патриархов Греков повиганяли, а своими поосажали, которых Бог през несправедливость их, яко прелюбодеев неналежных фронов и церковних прав, тяжших неж Сараценов гвалтовников, недолго на тих столицах терпел, але з безчестием согнал их з них»¹². Так, из всех завоевателей православных народов, наиболее опасным врагом Копыстенский считает Римскую церковь, «костел заходний, головной на сесь час неприятель»¹³. Это довольно типичная для православных сочинений того времени констатация, имевшая прямое подтверждение в актуальных событиях. Автор очень известного православного сочинения «Апокрисис» (1597–1598; возможно, сам являющийся польским протестантом) так пишет о политике Рима: «припомню кривавые войны, которые умыслне папежи Римские прошлых веков и часов взнечали в спущенью одних христиан и з другими, найболшую утеху и кротофилю покладаючи. А то с той мери, же коли христиане, за их подошваньем за лоб ходячи, едны других топили, они тым часом можность и панованье свое над ними, а меновите над цесарми и королями, ростягали»¹⁴. Независимо от истоков этой мысли, православные писатели были всё более склонны видеть причину польско-русских войн в политике Рима.

При этом сам факт того, что польский король является христианским монархом, всё же имел принципиальное значение для оправдания лояльности к нему. Касательно ситуации в Османской империи, православные авторы подчёркивают свою убеждённость в том, что тамошнее духовенство не относится лояльно к турецкой власти. Особенно это стало важным в связи с обвинением новопоставленной в 1620 году православной иерархии в работе на «турецкого шпиона, выдававшего себя за патриарха Иерусалимского Феофана»¹⁵. Мелетий Смотрицкий так писал о восточных патриархах и их отношении к войнам между Речью Посполитой и Турцией: «Они скорее очень желают всякого счастья этому государству, отчизне нашей, нежели своей собственной отчизне, под тираном находящейся. Всегда им милее военные успехи этого государства над их собственным»¹⁶. Православные авторы всё время имели дело с обвинением в подчинённости Константинопольского патриархата Турции. Так, в «Антиграфе» (1608) указывается, что оппонента невозможно переубедить в том, что завоёвана не только Греция, но и вера: «Но ты ведь ту же песню петь не перестанешь, заявляя, что из-за подчинения Турком Греции, и вера тамошняя завоёвана?»¹⁷.

Со своей стороны униатские полемисты традиционно указывали на завоевание православных стран иноверцами как на кару Божью за схизму. Ещё у Петра Скарги говорится, что греческий народ «за карой Божьей диким людям в неволю отдан». «Язычники восстали и завоевали»¹⁸ подряд всю Сирию, Палестину, Иерусалим, Египет, Ливию и Грецию, а далее Сербию и иные земли¹⁹. «Из-за схизмы вся Греция погибла», а вот Римская церковь

наоборот стала расширяться «между поганскими народами», а именно среди венгров «и других язычников, соседних с ними». Так «Бог восполнял в язычниках то, что утратил в Греции». В «Антиризисе» даже говорится, что Восточную церковь «побрали ворота адавы (турецкие), всё изнурили, погубили»²⁰.

Православные авторы старались продемонстрировать свой общехристианский патриотизм и независимость от Турции через восхваление турецких войн Речи Посполитой, и особенно участия в них православного казачества. Наиболее ярким событием в этом плане была победа в битве под Хотинем (1621). Вот что написал о ней З.Копыстенский: «припоминаю нынешнюю в року 1621 з цесарем Турецким и Татарами войну под Хотинем ... Як там напрод сам Бог з своего великого милосердия кролевство и войско Полское заховал, а заступ и оборону тую войском Росским козаками внетавил!»²¹. В «Эленхусе» М.Смотрицкого (1622) об этой битве ровно в том же духе: казаки «недавно грудью своей юной поганину турецкому сильный отпор дали и отчизне нашей милой поганским кровавым стопам путь своими головами перекрыли»²². Так, факт защиты казачьим войском общего христианского государства от турок оборачивается аргументом в православной претензии на равноправное положение с католиками в Речи Посполитой.

В контексте господствовавшей тогда и пестуемой «сарматской» культурой рыцарской этики важным качеством русского народа объявлялась его «валечность», то есть «боевитость», «воинственность». Автор «Палинодии» пишет о казаках, что они – «потомкове оных валечных Россов», чьи подвиги были широко известны и в древние времена, и это становится для него чуть ли не основной характеристикой русского народа. Валечность – это одна из важнейших сарматских добродетелей. Характеристика «валечности» полностью определяет подбор упоминаемых Копыстенским сведений, не относящихся к христианизации Руси. Он говорит, что «мужным теж и валечным был той народ и славным рыцерскою делностию еще за часу войны Троянской»²³. Далее Копыстенский пишет, что «Роскии полки найпереднейшии были у Александра Великого», «валчили и з Митридатом Евпатором, кролем оным валечным и можным Понтийским; валчили и з Римским цесарством, и Римлян побивали». Относительно VIII-IX веков он говорит, что «в тех часах Россове наши не уставали за всеми посторонними воевати, а найпилней з Татарами и з Греками»²⁴. Автор «Индициума» отмечает, что «Ruski naród waleczny wprawdzie»²⁵. Особенно подчёркивалось, что «русь» воевала с «Греческим царством». Например, восхваляя казаков, митр. Иов Борецкий в Протестации 1621 г. говорит о них: «того это русского народа благородного с Яфетового потомства, которое Чёрным морем и земли греческие Царство воевали»²⁶. Даже в униатском «Разговоре двух русинов» в уста Схизма-

тику вложены слова о том, что «русь наши предки много войн, а особенно с царями цареградскими вели»²⁷. За этими утверждениями стоит претензия на этическое равенство русского народа с польским, что должно быть основанием и для равенства юридического. Ведь если русский народ столь же «валечный», как и польский, то он не мог быть завоёван польскими королями, как это утверждает польская историография. Утверждение равенства в доблестях, наравне с отчётливым государственным патриотизмом, влечёт за собой и совершенно иной взгляд на историю образования и характер имеющейся государственности.

3. Копыстенский выдвигает очень важный тезис, имеющий силу и для всей русской истории, о том, что «народ Росский» «нигды от жадного монархи не был звоёван»²⁸. В свете этого рассматривается и подчинение русских земель польскому королю не как результат завоевания, а как договорный процесс. История создания этого объединенного государства представляется Копыстенскому длительным процессом установления договорных отношений с польской короной. Уже при завоевании Львова, как пишет Копыстенский, Казимир «постановил и поровнил, абы Россове одного с Ляхами права и волности заживали», так как русские «самое место поддали, и толко себе уживанье волное старожитной своей веры варовали»²⁹.

Вход Литвы в единое государство с Польшей он отмечает как процесс параллельный русскому: «Тоеж втелене и Литва учинила з особливими своими варунками». Люблинскую унию Копыстенский трактует также как равноправное объединение народов: «в року 1569, на сейме в Люблине, князство Литовское и Киев и Вольтынь з королевством Полским зъединилися заедно быти, и едних волностей и свободы заживати, и заровно тяжары поносити, и оборону и промысл вшелякий взаем чинити, и одного кроля себе бирати, один другого прав и волностей перестерегаючи»³⁰. Он не выделяет ее как особо значимое событие, как принципиально значимую дату русской истории – это лишь продолжение и закрепление старой тенденции. 1569 год для него – это все же в первую очередь год издания польским королем привилеев, гарантировавших права русского народа на свою веру и церковь³¹.

Теория добровольного вхождения в состав единого государства и равного статуса в нём трёх народов – польского, литовского и русского – стала доминирующей в православной мысли с начала 1620-х годов. При этом православные полемисты всячески стремились избежать описаний современных межконфессиональных конфликтов в государстве как конфликта с поляками. В ранних антиуниатских сочинениях ещё не проводилась жёсткая граница между униатами и католиками, однако вскоре вина за происходящее была полностью возложена именно на униатов. Например, в «Эленхусе» находим по отношению к униатам: «о вас и вам подобных, которые в

русском народе между ним и ляшским тем являются, чем неприятель Бога и людей между Богом и человеком, вы, которые ничего другого между ними не делаете, только одного против другого раздражаете. Раздражаете народ русский против поляков, когда нас ... к ляшской вере (как мы, русь, обычно говорим) склоняете. Народ же польский раздражаете против русского...»³². В «Supplementum Synopsis» (1632 г.): «мы – древний российский народ, от панов униатов, как в Короне, так и в ВКЛ уже несколько десятков лет как угнетаемы»³³.

Православно-униатское противостояние начинает осмысливаться как гражданская война («wojna domowa», «wnętrzna woyna»), и одним из основных мотивов и православных, и униатских сочинений становится осуждение «внутренних войн». Например, Лев Кревза активно предостерегает: «Любая внутренняя война такова, словами Господа Христа, что является упадком королевства, в котором происходит»³⁴. Война эта, на взгляд Кревзы, развязана «какой-то сектой новой», русскими «odszerpieńcami» от правой церкви, которые воюют с самим Господом Богом³⁵. Интересно мысль о гражданской войне выражена в «Апокрисисе». Начинаящаяся «внутренняя война», которая «межи всеми злыми ручами в свете есть найгоршею», особенно плоха: она ведётся за веру, а значит в ней не может быть победителя³⁶, и она ведётся в опасной близости с турками и татарами, которые только и ждут ослабления государства³⁷. В «Перестороге» указывается, что уже «не только Русь, але и Ляхове аж до войны внутренней межи собою пришли»³⁸. Гражданская война оказывается и подлинной причиной польских болеславовых походов на Русь, ведь они случались по причине «внутренней войны русских князей между собой»³⁹.

Через концепт «внутренней войны», совмещённый и с представлением об особой «валечности» русского народа, достигается и объяснение подчинения русских земель польским королям. Основной причиной потери русскими князьями своей самостоятельности Копыстенский считает княжеские междоусобицы, в ходе которых «монархове наши... сами с собою почали валчити», а в результате «почали малети и ослабевати монархове и княжата Росский»⁴⁰. Результатом этого было то, что «ся Росский князе доброволне за певными пактами до кролевства Полского прилучали», однако особо он подчеркивает то, что при этом князья «в-головах варуючи собе веру и свое набоженство и церкви в целости и во вшеляком беспеченстве заживати»⁴¹.

Но в целом тема завоевания Червонной Руси в православной и униатской полемике того времени появляется очень редко: основное внимание уделяется событиям вокруг Люблинской унии как основным для современных взаимоотношений польского и русского народов. При указании о добровольности вхождения в состав единого государства русского народа, осо-

бое внимание уделяется тому, что для него сохранение свободы в вере было всегда важнее, чем сохранение независимости. Тот же Копыстенский, описывая завоевание Казимиром Львова «в 1339» году, подчёркивает, обращаясь к читателю: «Уважай, як веры постерегали Россове, барзей ниж панства!»⁴².

Как показывают исследования, русская идентичность того времени строилась главным образом на церковных основаниях, и это находит своё отражение в оценке западнорусскими полемистами военных действий и конфликтов. Общехристианский патриотизм, обращённый к Речи Посполитой и королю, уверенность в большей лояльности греческого духовенства к христианскому государству, чем к Турции, – всё это так или иначе свидетельствует о господстве религиозно-конфессиональных критериев в построении своей лояльности.

Примечания

¹ Впрочем, впервые эта идея (а именно о присоединении Западной Руси к Московскому царству) была высказана ещё в 1620-е годы во время посольств в Москву от митрополита Иова Борещкого.

² Палинодия // Русская историческая библиотека (далее – РИБ), том IV. СПб., 1878. Стб. 983.

³ «Ieśli Ruś woynę toczyła z Polakami o religią czyli o drapież». Rozmowa albo Rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem // Архив Юго-Западной России (далее – АЮЗР). Ч.I, Т.7. Киев, 1887. С.707.

⁴ «Woyny wielkie toczyli Ruśnacy nasi z Lachami, bisowemi synami, o to, ktorzy na to stali, aby Ruś do swoiey religiey posłuszeństwa Papieskiego pociągnęli», «Nie dla religiey mówię Polacy z Rusią walczyli, ale dla drapieżu, którą Rus ... w Polsce czyniła tak, iż po wszystkie woyny, ktore były, nie było żadney inszey przyczyny podniesienia od Polaków woyny Rusi tylko o gwałtowne incursie, grabienia y plondrowania przez Ruś Polski». Там же. С. 708-709.

⁵ «Nie o drapież, ale o odeymowanie nabożeństwa Greekiego Rusi od Polaków te woyny były»; «to slowo wiara nie znaczy fides, ale religią polacinie, a religio nie właśnie znaczy fidem, ale nabożeństwo ... nie fidei, lecz religionis, to iest nabozenstwa ceremonialnego dawnego». Там же, с.709-710.

⁶ «Ale iednasz wiara Lachow była iaka y Ruska, tylko rozność była obrzędow». Там же, с.709.

⁷ См. подробнее: Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Під ред. В.А.Смоляя. Київ, 2003. С.409-434.

⁸ Имеется в виду Болеслав IV Кудрявый.

⁹ Indicium, сочинение инок Винницкого монастыря, 1638 г. // АЮЗР. Ч.I. Т.8. Вып.1. Киев, 1914. С.786-796.

¹⁰ «Coż gdy do tego spustoszenie y zniszczenie cerkwi namienimy, ieśli nie takie, iak od Bolesława pierwszego y drugiego, królów polskich, y od Batyia, tatarskiego cara...». Там же. С. 795.

- ¹¹ Сказания Петра Могилы о чудесных и замечательных явлениях в церкви православной // АЮЗР. Ч.1. Т.7. Киев, 1887.
- ¹² Палинодия // РИБ. Т. 4. Стб. 811-812.
- ¹³ Там же. Стб.804.
- ¹⁴ Апокрисис Христофора Филалета // РИБ. Т. VII. Стб.1652.
- ¹⁵ Например, подробно об этом см.: Протестация Иова Борецкого 1621 г. С.143-144.
- ¹⁶ «Lepiey nierówno życzą wszelkiey szczęśliwości temu Państwu, oyczynie naszey, niż własney swey oyczynie, pod tyranem bięduiącey. Zawždy miłsze im woienne successy tego Państwa nad ich własnym tyranem». Verificatia niewinności // АЮЗР. Ч.1. Т.7. С. 339-340.
- ¹⁷ «Lecz ty przedsię teyże piosenki śpiewać nie przestaniesz, powiadaiąc, że za tym, że Turek Greciā osiadł, y wiara tam będąca iest zwoiowana». Антиграф // РИБ. Т.ХІХ. СПб., 1903. Стб.1290.
- ¹⁸ «Za pomstą Boską, od dzikich ludzi w niewolą poimany iest». Скарга П. Берестейский собор и оборона его // РИБ. Т. 7. Киев, 1882. Стб.988.
- ¹⁹ «Za odszczepieństwem wszystka Grecya zginęła». Кревза Л. Оборона унии // РИБ. Т. IV. Стб.209-211.
- ²⁰ «Bramy piekielne (Tureckie) zwoiowały, wszystko wyniszczyły, wygubiły». Антиризис // РИБ. Т.ХІХ. СПб., 1903. Стб. 970.
- ²¹ Палинодия // РИБ. Т.ІV. Стб.1110.
- ²² «Piersiami swemi iunackiemi świeżo teraz poganinowi tureckiemu znaczny wstręt uczynili y do oyczyzny naszey miłey pogańskim krwawym stopam prześcia swemi głowami niedopuszcili». Elenchus // АЮЗР. Ч.1. Т.8. С.609.
- ²³ Там же, стб.1103.
- ²⁴ Там же, стб.1106.
- ²⁵ Indicium // АЮЗР. Ч.1. Т.8. С.779.
- ²⁶ «Onego to Ruskiego narodu cnego z Japhetowego nasienia plemie, które Czarnym Morzem y ziemią Greckie Cesarstwo woiował». Протестация митрополита Иова Борецкого 1621 года // Жукович П.Н. Протестация митр. Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. / Статьи по славяноведению. Под ред. В.И.Ламанского. Вып. III. СПб., 1910. С.149.
- ²⁷ «Rus nasza przodkowie ... wiele woien a zwlaszcza z Cesarzmi Carogrodzkiemi czynili». Rozmowa albo Rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem // АЮЗР. Ч.1, т.7. С.699.
- ²⁸ Там же. Стб.1103.
- ²⁹ Там же. Стб.1026.
- ³⁰ Там же. Стб.1042.
- ³¹ Там же. Стб.1075.
- ³² «O was y wam podobnych, ktorzy w narodzie Ruskim między nim a Lackim toście są, co nieprzyaciel Boży y ludzky między Bogiem a człowiekiem, ktorzy nic inszego między niemi nieczynicie, tylko ieden przeciwko drugiemu iątrzycie. Iątrzycie narod Rusky na przeciw Polskiemu,

gdy nas w przeszłym punkcie naszym położonymi sposobami do wiary lackiey (iako Ruś pospolicie mowiemy) zaciągacie. Narod zaś Polski iątrzycie na przeciwko Ruskiemu...», см.: Elenchus, с.642.

³³ «Myśmy to narod Rosyyski, starowieczyny, od PP. uniatow, tak w Koronie, iako y w W.X.L. przez lat te kilkadziesiąt opprimowani byli», см. Supplementum Synopsis // АЮЗР, ч.І, т.7. С.647.

³⁴ «Każda wojna wewnętrzna taka iest, mowi to Chrystus Pan, że iest upadkiem krolestwa, w ktorым się toczy». Кревза Л. Оборона унии // РИБ. Т.IV. Стб.291.

³⁵ Там же, стб.296.

³⁶ Апокрисис // АЮЗР. Ч.І. Т.7. Стб.1638.

³⁷ Там же, стб.1640.

³⁸ Пересторога // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Том IV. С.210.

³⁹ «Wnętrzney woyny Xiążąt Ruskich między sobą». Obrona Verificathey // АЮЗР. Ч.І. Т.7. С.384.

⁴⁰ Палинодия // РИБ. Т.IV. Стб.1109.

⁴¹ Там же. Стб.1110.

⁴² Палинодия. Стб.1027.